

Никонова С. И. 6-я Финляндская стрелковая дивизия в зеркале событий Великой российской революции 1917 года / С. И. Никонова // Научный диалог. — 2018. — № 11. — С. 245—256. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-245-256.

Nikonova, S. I. (2018). 6th Finnish Infantry Division in Mirror of Events of Great Russian Revolution of 1917. *Nauchnyy dialog*, 11: 245-256. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-245-256. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(47).084.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-245-256

6-я Финляндская стрелковая дивизия в зеркале событий Великой российской революции 1917 года

© **Никонова Светлана Игоревна (2018)**, orcid.org/0000-0003-0196-914X, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и философии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет (Казань, Россия), svetagasu@rambler.ru.

Рассматривается вопрос о состоянии российской армии в 1917 году. Описывается сложная и противоречивая обстановка на переднем крае театра военных действий в условиях подготовки и проведения наступательной операции летом 1917 года. Представленный круг источников иллюстрирует недостаточно изученные страницы истории Великой войны. Анализ источников позволяет понять, как происходила трансформации сознания солдатской массы и революционных настроений в действующей армии. Показан процесс эволюции взглядов на войну, выраженный в письмах с фронта в тыл, а также в материалах большевистской газеты «Окопная правда». На основе анализа архивных документов 6-й Финляндской стрелковой дивизии, впервые ставшей объектом исследования, представлена объективная картина военных будней на одном из важных участков фронта накануне заключительных событий Первой мировой войны и Великой российской революции 1917 года. Автор привлекает внимание к личностным отношениям между командным составом и нижними чинами в 1917 году. Показано, что в условиях Великой русской революции трансформируется сознание не только солдат, но и офицерского корпуса, революционизирующегося под влиянием реальных событий, а также пропагандистской работы радикальных партий.

Ключевые слова: снабжение действующей армии; солдатские комитеты; революционные настроения в армии; 6-я Финляндская стрелковая дивизия; солдатские письма; газета «Окопная правда».

1. Введение

Революционные события 1917 года отразились на всех сторонах жизни российского общества. Особое значение имело состояние действующей армии в условиях мировой войны, российское воинство к началу Великой русской революции в большинстве своем не имело иллюзий насчет «справедливости» войны, а революционные настроения были присущи воинам и на передовой линии фронта. Настроения, моральный дух армии во многом предопределили драматические события этого переломного в судьбе России периода. Неслучайно борьба за воинство занимала ведущее место в программах и стратегии всех политических сил, от поддержки армии зависела судьба как той или иной политической партии, так и их лидеров.

Положение в действующей армии в 1917 году можно назвать критическим. Огромные жертвы, отсутствие достаточного снабжения боевой техникой, вооружением, неполное обеспечение как офицерскими кадрами, так и нижними чинами, нехватка лошадей, повозок, фуража — все это свидетельствует о кризисе, который сопровождался активизацией деятельности солдатских комитетов, расширением масштаба большевистской пропаганды в войсках, усилением накала антивоенных и революционных настроений солдатского корпуса.

Новые политические реалии в ходе Великой российской революции, которые можно было наблюдать в течение 1917 года, отразились в материалах 6-й Финляндской стрелковой дивизии. Начало ее истории датируется январем 1917 года, а в декабре того же года основной состав дивизии был демобилизован. Таким образом, дивизия существовала всего год, однако это был судьбоносный год, в течение которого идет интенсивная трансформация сознания и мироощущения солдатских масс и офицерского корпуса.

2. 6-я Финляндская стрелковая дивизия в июньско-июльском наступлении 1917 года

6-я Финляндская стрелковая дивизия, назначенная к формированию 24 января 1917 года, была составлена из частей 2-й и 4-й Финляндских стрелковых дивизий в составе 21, 22, 23 и 24 стрелковых полков. Дивизия в составе первоначально VI-го, а с марта 1917 года — XLIX-го армейских корпусов участвовала в операциях 11-ой армии на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах. Так, части дивизии в районе юго-западнее Тарнополя вели оборонительные действия с февраля по июль 1917 года, а затем были переброшены на Северо-Западный фронт по направлению к г. Ченстохову. 16 августа 1917 года дивизия была назначена к расформированию. С 18 октября 1917 года до демобилизации основного состава в декабре того

же года она находилась в составе 12-й армии (Северный фронт) [РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 678].

В российской армии пехотные части носили названия в честь городов и отдельных местностей, однако это не означало, что они были сформированы из уроженцев этих мест или непосредственно в тех краях. Так, например, в Финляндских стрелковых дивизиях финнов не было вообще, так как они призыву в армию не подлежали. Большинство военнослужащих Русской Императорской армии были великороссами, малороссами и белорусами по национальности (все они объединялись под общим названием — *русские*). Таким образом формировались Финляндские дивизии за счет пополнения из разных военных округов, и состав военнослужащих (нижние чины и офицеры) отражал состав населения России.

О приближающемся в 1917 году коллапсе свидетельствовали многие факторы. К лету 1917 года в дивизии существенно увеличивается количество дисциплинарных нарушений: от участвовавших случаев дезертирства («самовольных отлучек») до небрежно заполняемых дивизионных документов. Остро ощущался некомплект личного состава формирующихся полков дивизии. Так, 24-й Финляндский полк в январе 1917 года из 3643 положенных по штату нижних чинов в наличии имел 3207, подобное положение наблюдалось и в других подразделениях дивизии [РГВИА, ф. 2540, оп. 2, д. 78, л. 6].

Пополнение прибывало на линию огня практически необученное, не владеющее оружием. Новобранцев сопровождали приказы следующего содержания: «Из запасного полка фронта для частей дивизии назначено 850 солдат, которые курс обучения окончательно не закончили. Люди придут в 10 Запасной полк и оттуда по мере прибытия будут направляться в Ваше распоряжение. Окончательная подготовка их должна быть закончена при дивизии Вашими заботами. Что же касается новобранцев, то такие Вам назначены не будут» [РГВИА, ф. 2540, оп. 2, д. 78, л. 38].

Накануне наступательных боев летом 1917 года ощущался дефицит вооружения, запасных частей к пулеметам, не хватало оружия для офицеров. В этой ситуации командование пыталось найти выход следующим образом: офицерам предлагалось получить пистолеты системы Кольта за деньги «стоимостью 42 р. 50 коп (50 патронов к каждому пистолету стоят 4 р. 93 коп.)». Сообщая об этом, Управление Полевого Генерал-Инспектора Артиллерии считает необходимым предупредить, что число имеющихся в распоряжении Главного артиллерийского Управления револьверов крайне ограничено, поэтому требуя от желающих купить револьвер предъявления удостоверения о неимении револьвера. Необходимо просить

командиров полков и других начальников, выдающих удостоверения, чтобы выдача таких удостоверений производилась лишь при действительной потребности, иначе могут остаться без револьверов те, кому они нужны, а другие будут иметь по несколько различных образцов. С наименьшей осторожностью следует относиться к требованиям об отпуске за деньги патронов, особенно к пистолету Кольта в виду, что на каждый пистолет куплено только по 50 патронов» [Там же, л. 72]. Однако уже через месяц, 22.05.1917, продажа пистолетов «Кольта» офицерам была остановлена «за отсутствием их» [Там же, л. 105].

При анализе дивизионных документов можно отметить стремление к строжайшей экономии всех видов вооружения, вплоть до использования трофейного оружия. Из рапорта начальника пулеметной команды поручика Ботрака командиру 24 полка: «Доложу, что полученный из 21 полка австрийский пулемет № 3281 в настоящем его виде для боевого употребления не годен и отправляется в оружейную мастерскую. Пулемет австрийский № 4378, полученный из 22 полка для правильной и более или менее продолжительной работы требует замены некоторых частей. Последних у нас нет. Патронных лент по этим пулеметам имеется 12 вместо 72, коробок под ленты вместо 72 только 6. Таким образом, боевая сила команды с получением этих пулеметов нисколько не увеличилась» [Там же, л. 56].

Из телефонограммы в штаб дивизии от 3 августа 1917 года значится: «В 24 полку ракетных ружей и пистолетов нет, приборов налицо 12, пулеметных двуколок налицо 6, не достаёт до штата — 6, револьверов 6, шашек — 2, кинжалов — 21» [Там же, л. 196, 233]. В телефонограмме от 12 августа 1917 года говорится: «Для 24 полка желательно иметь 4 пушки Розенберга» [Там же, л. 196, 233]. Вызывает некоторое удивление «Инструкция для пользования неисправными гранатами образца 14 и 12-гг. для подрывных работ», разосланная по полкам 6-й дивизии 23 июня 1917 года [Там же, л. 236].

Довольно скоро из военной жизни уходят привычные ритуалы военной службы, например, титулование офицеров, принятие присяги. «При приводе к присяге молодых солдат вверенного Вам батальона мною замечено, что при чтении статей Военного устава о наказаниях, касающихся обязанностей службы в военное время, не было знамени и присутствующие нижние чины не держали “на караул”, ... вследствие чего не было признано значения важности принятия присяги» [РГВИА, ф. 7917, оп. 2, д. 30, л. 52].

В такой обстановке даже верным присяге офицерам достаточно сложно было сохранять свои убеждения в необходимости войны «до победного конца» и, главное, находить аргументы в разговорах с «нижними чинами»,

особенно после выхода исторического Приказа № 1, «опрокидывающего истари сложившиеся традиции в русской армии» [Пунин, 2017, с. 44].

Командование делало попытки наладить дисциплину, собрать разваливающийся прежний порядок традиционными, но неэффективными в данной ситуации мерами. Например, отдавались распоряжения следующего рода: «Начальнику полицейской команды выставить полицейский пост у полкового перевязочного пункта, которому наблюдать, чтобы легко раненные нижние чины приносили с собой винтовки и противогазы, а с тяжело ранеными должны приносить также винтовки и противогазы сопровождающие их санитары, в приеме каковых старшему врачу полка выдавать раненым квитанции» [РГВИА, ф. 3329, оп. 1, д. 198, л. 217].

Офицерский корпус 6-й Финляндской стрелковой дивизии состоял как из кадровых военных, так и из добровольцев, пришедших в армию по патриотическому влечению. В этом ряду выделяется фигура командира 24 полка генерал-майора Гроте де Буко¹: в 1914 году добровольно вступил в действующую армию, командовал ротой, батальоном, в 1917 году принял командование 24-м Финляндским стрелковым полком, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за личную храбрость [Лауреш, 2009, с. 59]. Бывший командир Гроте де Буко, полковник Свечин писал в своей книге «Искусство управления полком»: «Офицерский состав в моем полку был чрезвычайно удачный. У меня было несколько отличных помощников в лице командиров батальонов ... отличным командиром был подполковник Гроте де Буко. Это был бесхитростный старик, перед войной Лидский исправник, который по своей доброй воле изменял свою спокойную полицейскую должность на тяжелую профессию — сначала командира роты, потом батальона. Добрая воля, доброжелательность, достаточно крепкие нервы, а затем седина делали на солдат захватывающее впечатление. Солдаты еще не освободились от оков патриархальных представлений, и для них дедушка Гроте являлся несомненным вождем-старейшиной; слушали они его с благоговением и любовью, и после штурма офицеры 1-го батальона рассказывали, о том, что они наблюдали солдат, которые хватали дедушку в критическую минуту за фалды и прятали его в вырву, солдаты защищали его своими телами. Молодость — сила, но в определенной обстановке седая борода, приставленная к хорошей голове, также является крупной нравственной силой при условии непосредственного соприкосновения с солдатской-крестьянской массой» [Свечин, 2005, с. 251].

1 Гроте де Буко Евгений Александрович (1862—1944) — генерал-майор, после войны один из организаторов Белорусского национального движения, не принял советскую власть, эмигрировал сначала в Литву, затем в Польшу, погиб в Варшаве в 1944 году.

Однако революционные настроения в солдатской среде развивались стремительно, и патриотизм, мужество, доблесть и отвага командиров и нижних чинов уже не могла спасти ни армию, ни страну, которая двигалась к краху.

3. Революционные настроения в действующей армии в 1917 году

Эволюцию настроений в армии можно проследить, например, по солдатским письмам, которые наполнены горькими словами о невыносимых страданиях человека в окопах, о недостатке продовольствия, отсутствии элементарных условий быта, недостаточном обеспечении патронами и винтовками. Большинство солдат признают бессмысленность войны, ее трагическую безысходность: «люди гибли, как мухи, смерть косила направо и налево», «толку в войне никакого нет, только пролить кровь», «надоело до чертиков служить и надоело воевать; поскорее бы кончилась война». «Эта жизнь и обстановка накладывает на все какое-то отупение. Все чувства притупляются, нет ни страха, ни жалости, ко всему относишься безразлично. Все принимаешь, как будто так и быть должно. Не удивительно, что при подобной жизни люди превращаются в зверей» [Рябая, 2012, с. 72].

В письмах 1917 года отражаются революционные настроения солдат, содержатся описания митингов, встречаются упоминания о действиях против офицерского корпуса, об убийстве командиров солдатами, предпринимаются попытки оценить политическую ситуацию в стране. Отдельное место в солдатских письмах занимает информация о солдатских комитетах, обстоятельствах их появления и работы в конкретной части, персоналиях руководителей и о влиянии последних на солдатские массы.

В марте 1917 года в 6-й Финляндской стрелковой дивизии были сформированы солдатские комитеты, при этом активное большинство их состава было пробольшевистским. Дивизионные делегаты участвовали в работе армейских съездов (XI армия Юго-западного фронта и XII армия Северного фронта) солдатских депутатов. В выступлениях на съездах, публикациях революционной военной печати рефреном проходит антивоенная линия, более того, в большинстве выступлений делегатов отчетливо звучат революционные, большевистские призывы [РГВИА, ф. 2540, оп. 1, д. 3].

Обстановка в отдельно взятой 6-й Финляндской стрелковой дивизии, находящейся в 1917 году на самом переднем крае, на линии огня, соответствует положению многих частей российской армии, вступающей в последний акт событий Великой российской революции 1917 года.

Настроения солдатских масс получили яркое отражение в публикациях большевистских изданий, например, «Окопной правды»¹. Письма в редакцию нижних чинов, незамысловатые солдатские стихи, резолюции собраний солдатских комитетов — все говорит об изменении обстановки в армии, о стремительном процессе трансформации политического сознания солдатских масс.

Так, в марте 1917 года настроения в армии еще не носят радикального характера и солдатские комитеты в своих требованиях довольно умеренны: «... Стоять на страже интересов солдатских масс и следить за правильным удовлетворением солдатских нужд ... Разъяснять через ротные и батальонные комитеты события настоящего момента; устраивать литературные собеседования с разъяснением разного рода литературных произведений — книг, журналов, газет, воззваний и приказов. Устройство ротных литературных кружков. Устройство митингов для агитационных целей в свободное от занятий время ... Да здравствует единение армии и народа. Да здравствует демократическая республика» [РГАСПИ, ф. 289, оп. 1, д. 1, л. 2].

В октябре—ноябре солдатские комитеты переходят к радикальным требованиям и действиям, в их решениях отражаются настроения солдатских масс после неудачного наступления летом 1917 года, а также резонанс на происходящие в стране революционные изменения. Приведем несколько примеров:

«... Предать суду ген. Корнилова за его измену и предательство не только Риги, но и всей многострадальной России ... Опубликовать военный договор ... ибо мы не знаем, за что мы воюем ...» [Там же, л. 21—22].

«... Требовать немедленную передачу власти Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов ... Требовать немедленного ареста и предания беспощадному народному суду всех контрреволюционеров и предателей родины, засевших в ставке, кующих подлый заговор против Революции и сеющих смуту среди солдат ... Да здравствует власть пролетариата!...» [Там же, л. 65].

В материалах «Окопной правды» ярко отражается процесс уничтожения сложившейся иерархии в армии, девальвация понятий «воинская присяга», «воинская дисциплина», «обязательное исполнение приказов командиров» и др., которые лежат в основе устоев жизни любой армии, тем более в военное время, в период активных боевых действий. В новых

¹ «Окопная правда» («Окопный набат») — большевистская фронтовая газета. Выходила с 30 апреля (13 мая) 1917 до середины февраля 1918, сначала в г. Риге, с 12 (25) октября в г. Вендене (ныне г. Цесис, Латвия).

реалиях сложно было разобраться не только нижним чином, но и офицерам, значительная часть которых весьма болезненно воспринимала такие изменения.

Показательна в этом отношении Резолюция Трубачевского взвода 20-го Драгунского Финляндского полка от 17 ноября 2017 года (стилистика документа сохранена полностью): «Все документы и приказы командира полка гражданина Гагарина, которому известно о Декрете (об уничтожении всех прав сословий) и продолжающему подписываться “князь Гагарин” (что служит явным документом гр. Гагарина, не признанием народного правительства крестьян, рабочих и солдат) заявляем: все приказы и документы впредь подписанные князь Гагарин для нас недействительны. Шлем горячий привет Совету народных комиссаров честные руки которого ведут корабль народной республики смело и прямо через многочисленные рифы и пороги контрреволюций в тихую лазурную гавань социализма» [РГАСПИ, ф. 289, оп. 1, д. 1, л. 67].

Командиры пытаются контролировать ситуацию, однако ограничиваются констатацией фактов, фиксацией вопиющих в условиях военного времени действий. «Воцарившийся в головах и в речах хаос из обрывков революционных фраз, символов, клятв, обвинений и деклараций, а также немыслимые ранее “степени свободы” в отношении элементарных правил поведения на фронте и в боевой обстановке полностью дезориентировала не только солдатскую массу, но и офицеров военного времени и даже некоторых кадровых унтер-офицеров» [РГАСПИ, ф. 289, оп. 1, д. 2, л. 190, 191].

В архивных документах нашли отражение факты «оскорбления действиями» офицеров, говорящие о «глубоком и полном разложении дисциплины, ... выразившихся в неорганизованных, преступных по существу и по форме выступлениям против лиц командного состава» [РГАСПИ, ф. 289, оп. 1, д. 6, л. 2]. Так, 23 мая 1917 года «командир 3-го батальона подполковник Зубков ... старался разъяснить солдатам сущность полученных распоряжений (о порядке ведения занятий). Не дослушав объяснений ..., стрелок 12-й роты Федор Сазовенко схватил ... офицера за руку и нанес несколько ударов кулаком, в присутствии подчиненных в местности на военном положении, начальнику при исполнении, и по поводу исполнения им служебного поручения и своих обязанностей. Полк находится в корпусном резерве и должен быть готов во всякую минуту к выступлению в бой» [Там же].

Реакция командования на подобные вопиющие факты свидетельствует о растерянности и полном отсутствии ориентиров в стремительно изменяющейся политической обстановке. Так, командир 2-го Сибирского

Корпуса генерал-лейтенант Триковский¹ констатирует случаи нарушения дисциплины, по сути преступлений (содержание солдатами под стражей командира полка, избиение командиров), и призывает офицеров: «Сплотитесь же, идите к солдатам, говорите, читайте с ними и толкуйте, только при этом условии обеспечим нашу свободу и благо Родины. Приказываю начальникам дивизий, командирам бригад и полков принять меры к укреплению и поднятию престижа офицера и обеспечения его насущных интересов. Совершенно прав генерал Деникин: офицерам плюнули в душу, а теперь терроризируют их и в этом единственно успех анархии» [РГА-СПИ, ф. 289, оп. 1, д. 2, л. 10].

В этой обстановке любые наступательные действия русской армии были обречены на неудачу и потери. Июньско-июльское наступление 1917 года было спланировано на межсоюзнической конференции в Петрограде в феврале 1917 года. По плану, утвержденному Николаем II, планировалось широкое наступление и прорыв линии противника (70 км), тем самым создавалось превосходство над противником в пехоте — в 3, в артиллерии — в 2 раза [Первая ..., 2014, с. 216]. Однако отсутствие поддержки союзников, слабое взаимодействие между командующими фронтами, недостаток людских резервов, а также катастрофическое падение дисциплины не позволили развить июльское наступление. Как следствие, к концу августа 1917 года армия «свободной России» потеряла Тернополь, Львов и понесла существенные потери. «Наступательный порыв трансформировался в халатность и мародерство, поэтому отражать контрудар германских резервов под Тарнополем оказалось некому» [Ланник, 2018, с. 191].

Однако в этой драматической ситуации части 6-й Финляндской стрелковой дивизии показали себя весьма достойно. В документах не нашли отражения факты массового мародерства, дезертирства, неповиновения приказам командования.

Начальник штаба Восточного фронта Макс Гофман в своих воспоминаниях оставляет почти восторженный отзыв о русской армии, осуществляющей в 1917 году наступление под Тарнополем: «Удивительный народ эти русские!.. Они уже в течение двух дней яростно наступают огромными силами. Ничего подобного мы до сих пор не видели на Востоке. Против одной нашей дивизии — 7—8 русских. Это даже больше, чем я ожидал» [Гофман, 1929, с. 231].

1 Триковский Николай Семенович (1864—1926) — трижды Георгиевский кавалер, российский и советский военачальник, добровольно вступил в Красную армию в 1918 году, был преподавателем школы командиров «Выстрел» в Москве, редактором журнала «Выстрел».

4. Выводы

Таким образом, обстановка в отдельно взятой дивизии, находящейся в 1917 году на самом переднем крае, на линии огня, соответствует положению многих частей российской армии, вступающей в последний акт событий Великой российской революции 1917 года.

В результате острой политической борьбы, развернувшейся в стране весной и летом 1917 года, русская армия была деморализована и не способна успешно решать крупные стратегические задачи. Демобилизованные нижние чины, а также часть офицерского корпуса возвращались с театра военных действий с отчетливым пониманием грядущих перемен в стране, которые многие из них связывали с революцией.

Дальнейшие события Великой русской революции 1917 года доказали, что за короткое время привычные жизненные реалии трансформировались, появились новые ценностные категории, была уничтожена старая и создана новая иерархия социальных групп [Никонова, 2017, с. 36]. В этих условиях офицерскому корпусу предстояло сделать судьбоносный выбор: остаться верным «старой» присяге или принести «новую» советской власти. И в большинстве случаев этот выбор определял будущее, а зачастую и жизнь.

Источники и принятые сокращения

1. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории

Ф. 289. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2, 21—22, 65.

Ф. 289. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 10.

2. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив.

Ф. 2003. Оп. 2. Д. 678.

Ф. 2540. Оп. 2. Д. 78. Л. 56, 236.

Ф. 2540. Оп. 2. Д. 3.

Ф. 7917. Оп. 2. Д. 30. Л. 52

Ф. 3329. Оп. 1. Д. 198. Л. 217

Литература

1. *Гофман М.* Запись в дневнике от 2 июля 1917 г. / М Гофман // М. Гофман. Записи и дневники. 1914—1918 : пер. с нем. — Ленинград : Красная газета, 1929. — 262 с.

2. *Залесский К. А.* Первая мировая война. Правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь / К. А. Залесский. — Москва : Вече, 2010. — 576 с.

3. *Ланник Л. В.* Русский фронт. 1914—1917 годы / Л. В. Ланник. — Санкт-Петербург : Наука, 2018. — 287 с.

4. *Лауреш Л.* Генерал Яуген фон Гроте дэ Буко / Л. Лауреш // Лидский летописец. — 2009. — № 1 (65). — С. 59—64.
5. *Никонова С. И.* “Виновным себя не признаю...”: жизнь протоиерея В. М. Филиппова (1874—1937) / С. И. Никонова // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 9. — С. 36—41.
6. *Первая мировая война.* Энциклопедический словарь / Руководитель проекта академик А. О. Чубарьян ; отв. ред. Е. Ю. Сергеев ; Институт всеобщей истории РАН. — Москва : Весь мир, 2014. — 480 с.
7. *Пунин Л.* “Телефонный кабель шел от нас напрямик в немецкие окопы...”. Воспоминания подпоручика Льва Пунина, встретившего революцию на фронте / Л. Пунин // Родина. — 2017. — № 2. — С. 42—48.
8. *Рябая С. А.* Письма из действующей армии в Вятскую губернию как источник изучения истории Первой мировой войны / С. А. Рябая // Вестник архивиста. — 2012. — № 3. — С. 65—73.
9. *Свечин А. А.* Искусство вождения полка / А. А. Свечин. — Москва : Кучково поле, 2005. — 448 с.

6th Finnish Infantry Division in Mirror of Events of Great Russian Revolution of 1917

© **Nikonova Svetlana Igorevna (2018)**, orcid.org/0000-0003-0196-914X, Doctor of History, professor, Head of Department, Department of History and Philosophy, Kazan State University of Architecture and Construction (Kazan, Russia), svetaskasu@rambler.ru.

The question of the state of the Russian army in 1917 is considered. The complex and contradictory situation on the front line of the theatre of military operations in the conditions of preparation and carrying out offensive operation in the summer of 1917 is described. The presented range of sources illustrates insufficiently studied pages of the history of the Great war. The analysis of the sources allows to understand how the transformation of the consciousness of the soldier's mass and revolutionary moods in the army took place. The process of evolution of views on the war, expressed in letters from the front to the rear, as well as in the materials of the Bolshevik newspaper “Okopnaya pravda” is shown. Based on the analysis of archival documents of the 6th Finnish infantry division, which for the first time became the object of research, an objective picture of military everyday life on one of the important front sections on the eve of the final events of the First World War and the Great Russian revolution of 1917 is presented. The author draws attention to the personal relations between the command staff and the lower ranks in 1917. It is shown that in the conditions of the Great Russian revolution the consciousness of not only soldiers, but also the officer corps, revolutionizing under the influence of real events, as well as the propaganda work of radical parties, is transformed.

Key words: supply of the army; soldiers' committees; revolutionary sentiments in the army; 6th Finnish infantry division; soldiers' letters; newspaper “Okopnaya pravda.”

Material resource

- RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii*. (In Russ.). F. 289. Op. 1. D. 1. Ll. 2, 21—22, 65.
F. 289. Op. 1. D. 2, L. 2, 10.
RGVIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiiy arkhiv*. (In Russ.).
F. 2003. Op. 2. D. 678.
F. 2540. Op. 2. D. 78. L. 56, 236.
F. 2540. Op. 2. D. 3.
F. 7917. Op. 2. D. 30. L. 52
F. 3329. Op. 1. D. 198. L. 217

References

- Gofman, M. (1929). *Zapis' v dnevnike ot 2 iyulya 1917 g.* In: M. Gofman. *Zapisi i dnevniki. 1914—1918*: per. S nem. Leningrad: Krasnaya gazeta. (In Russ.).
Lannik, L. V. (2018). *Russkiy front. 1914—1917 gody*. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.).
Lauresh, L. (2009). General Yaugen fon Grote de Buko. *Lidskiy letopisets*, 1 (65): 59—64. (In Russ.).
Nikonova, S. I. (2017). “Vinovnym sebya ne priznayu...”: zhizn' protoiyereya V. M. Filiyeva (1874—1937). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 9: 36—41. (In Russ.).
Punin, L. (2017). “Telefonnyy kabel' shel ot nas pryamikom v nemetskie okopy...”. *Vospominaniya podporuchika Lva Punina, vstretyvshogo revolyutsiyu na fronte. Rodina*, 2: 42—48. (In Russ.).
Ryabaya, S. A. (2012). Pisma iz deystvuyushchey armii v Vyatskuyu guberniyu kak istochnik izucheniya istorii Pervoy mirovoy voyny. *Vestnik arkhivista*, 3: 65—73 (In Russ.).
Sergeyev, E. Yu. (ed.) (2014). *Pervaya mirovaya voyna. Entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Ves' mir. (In Russ.).
Svechin, A. A. (2005). *Iskusstvo vozheniya polka*. Moskva: Kuchkovo pole. (In Russ.).
Zalesskiy, K. A. (2010). *Pervaya mirovaya voyna. Praviteli i voyenachalniki. Biograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Veche. (In Russ.).